

СОЦИАЛЬНАЯ СФЕРА МЕГАПОЛИСА И ПРОЕКТИРОВАНИЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ ПРОСТРАНСТВ С УЧЕТОМ ИНФОРМАЦИОННО-МЕДИЙНОГО КОНТЕКСТА



УДК 72.03 (-87): 72.01

DOI: 10.17673/Vestnik.2022.01.10

А. Н. БАЗИНА
Е. А. РЕПИНА

ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЕ КАЧЕСТВА АРХИТЕКТУРНО-ПРОСТРАНСТВЕННОЙ СРЕДЫ САМАРСКОГО ДВОРА

PHENOMENOLOGICAL QUALITIES
OF THE ARCHITECTURAL SPATIAL ENVIRONMENT OF THE SAMARA YARD

Проведено исследование самарского двора в аспекте феноменологического подхода через категории: место, время, ритуал, материал. Данный подход существенно расширяет ценностные представления о архитектурно-пространственной среде исторической Самары. На основе анализа феноменологических качеств сделан вывод, что самарский двор представляет собой образец места «подлинного» человеческого обитания, позволяющего жителям переживать своё присутствие в этом мире. Он организует коллективную память, определяет культуру социума, производит социальные связи, способствует реализации потребности жителей в самоидентификации с жилым пространством.

In the article the study of the Samara court was carried out in the aspect of the phenomenological approach through the categories: place, time, ritual, material. This approach significantly expands the value ideas about the architectural and spatial environment of historical Samara. Based on the analysis of phenomenological qualities, it was concluded that the Samara courtyard is an example of a place of “genuine” human habitation, which allows residents to experience their presence in this world. It organizes collective memory, determines the culture of society, produces social connections, and contributes to the realization of the needs of residents for self-identification with living space.

Ключевые слова: феноменология города, самарский двор, историческая среда, городская культура, дух места

Keywords: Historic City, Historic Environment, Samara Yard, the Phenomenon of Time

Урбанистическое окружение, начиная со второй половины прошлого века, принимает всё более механистические формы и в основном вызывает резкое критическое отношение [1]. Однако город не всегда может восприниматься как «монстр, пожирающий людей». Существуют города вполне человеческие, обладающие такими качествами, как сложность, неоднородность, многообразие, самобытность. Как правило – это историческая городская среда, образовавшаяся в процессе жизни многих поколений В.А. Глазычев называет такую среду «подлинной» [1], Е.А. Репина и С.А. Малахов обозначают её как «естественный город» [1, 2].

Современной урбанистической практике, в попытке стать более человеческой, стоит сохра-

нять такие «настоящие» города и учиться у них. Например можно брать уроки исторической среды Самары, самарского двора. Она, будучи не до конца уничтоженной, ещё представляет собой образец естественного города.

«Настоящий» город формируется множеством принципов. Е.А. Репина и С.А. Малахов выделяют субъектность горожанина (наличие собственности и права голоса), диалог субъектов, толерантные соседства, самоуправление и особые архитектурно-пространственные свойства самой жилой застройки. «Особые свойства» среды поддерживают принципы естественного развития [2, с. 24]. В «настоящем» городе среда и протекающая в этой среде жизнь неразрывно связаны и взаимообусловлены. Такой

город представляет собой жизненно-смысловую среду, сложную и многообразную.

При исследовании «естественного» города на примере самарского двора важно сохранить связку человек – среда или субъект – мир. Наиболее приемлемым методом описания в таком случае считается феноменологический.

Феноменологический метод

В теории архитектуры феноменология применяется в качестве метода исследования и описания действительности. Данное направление ориентировано на человека и его чувства и призвано преодолеть разрыв между архитектурой и её обитателями. Архитектурная феноменология представлена трудами Кеннота Фремптона, Альберто Перес-Гомеса, Кристиана Норберг-Шульца, Дэвида Леттербароу, Томаса Вис-Эвенса, Юхани Палласмаа и др.

Феноменология как течение архитектурной мысли берёт начало от одноименного философского направления, в которое принято объединять трансцендентальную феноменологию Эдмунда Гуссерля, экзистенциальную феноменологию Мартина Хайдеггера, Мориса Мерло-Понти, герменевтику Ганса-Георга Гадамера, Поля Рикера и др. [3, с. 4].

Особенность феноменологического метода состоит в том, что он сохраняет связку субъект – мир. Уже в концепции интенциональности Гуссерля субъект и мир связаны. По Гуссерлю источником знания о мире является сознание субъекта, оно в свою очередь обладает свойством интенциональности – направленности на мир [4, с. 120]. Хайдеггер, существенно переработавший идеи Гуссерля, с помощью категории *Dasein* окончательно преодолевает оппозицию субъекта и объекта, существовавшую в классической философии. В концепции *Dasein* «субъект и мир существуют вместе и могут быть опознаны лишь в целостном отношении бытия-в-мире» [3, с. 20]. У Хайдеггера бытие мира – это не просто представления субъекта о мире, это процесс «обитания» человека в мире.

Архитектурная феноменология на основе интерпретации философских идей вводит в профессиональный дискурс такие понятия, как дом, место, контекст, материальность, перформативность, ритуал и др. [3, с. 4]. Проанализируем самарский двор через категории место, время, ритуал и материал.

Место

В основополагающей для архитектурной феноменологии работе, эссе «Строить Обитать Мыслить», М. Хайдеггер проводит взаи-

мосвязь между строительством и подлинным человеческим обитанием: «... строительство не только средство и путь к обитанию, строительство в себе уже является обитанием» [5]. Строительство по Хайдеггеру – способ пребывания человека в мире. Целью строительства является создание среди бескрайнего простора места – пространства человеческого повседневно существования, наполненного смыслами, значениями, знаками человеческого присутствия. Место в свою очередь имеет обратное влияние на человека и представляет собой культурный горизонт или фон существования человека.

Теоретик феноменологии в архитектуре К. Норберг-Шульц, интерпретируя идеи М. Хайдеггера, предлагает понятие «экзистенциальное пространство» или «пространство жизненного опыта», которое «не может восприниматься архитектором исключительно как геометрическая абстракция или как объект визуального восприятия» [6]. Данное понятие рассматривает место с точки зрения способа человеческого обитания и переживания пространства, культуры и идентичности. Место в феноменологии Норберг-Шульца – пространство для «подлинного» человеческого существования, содержащее экзистенциальное значение, наделённое человеческими смыслами. Такое понятие «места» теоретик соотносит с концепцией «духа места» (*Genius Loci*) [7].

В.А. Фролов отмечает, что город существует как осмысленное пространство для его обитателей и формируется их субъективным опытом. Городская среда зависит от тех смыслов, которыми жители наделяют её, и носит прежде всего культурный характер. Но смысловое пространство города не замыкается рамками сознания, оно объективируется в виде «духа города», который «подобно невидимой дымке присутствует в нашем восприятии улиц и площадей» [8].

Самарский двор представляет собой пример места в феноменологическом понимании – места «подлинного» человеческого обитания, позволяющего жителям переживать своё присутствие в этом мире. «Дух самарского двора» выступает в единстве уникальной среды, обитателей и их образа жизни.

Пространство самарского двора обладает особым, свойственным только ему характером, в основе которого лежит планировочная структура «коммунального дома» – бывшей городской усадьбы XIX в., в советский период адаптированной обитателями под проживание нескольких семей. Источником уникальной среды является эффект саморазвития – когда потребность субъекта в определенном функциональном элементе и его творческая самореализация приводят к возникновению органично

формирующейся городской ткани. Так как каждый двор развивается самостоятельно, историческая среда обладает большим разнообразием уникальных социокультурных пространств, включенных в городскую структуру [9, с. 54].

Традиционный фенотип самарского двора – малоэтажные здания, выстроенные по периметру единого коммунального пространства, имеющего, как правило, несколько камерных зон. Отличительной чертой характера являются отражённые в структуре особенности развития места, общества и государства: сетка кварталов и парцелл, историческая застройка, многочисленные объекты спонтанного развития (пристрои, надстрои, террасы, тамбуры, лестницы, галереи, элементы благоустройства и т. д.).

Двор является не просто «транзитной зоной», а местом повседневной жизни его обитателей. Структура парцеллы обеспечивает изолированность двора от улицы, а также позволяет проявлять большую гибкость в выборе архитектурной сценографии, адаптирующейся к потребностям жителей [9, с. 54]. Самарский двор наполнен знаками человеческого присутствия: как прошлых поколений людей в виде сохранившихся построек, сетки кварталов и парцелл, так и нынешних – в виде объектов спонтанного развития.

Пространство двора и сообщество порождают своеобразную городскую культуру, под воздействием которой формируется картина мира обитателей [10, 11]. С.А. Малахов отмечает: «Каждый двор имел свой собственный спонтанный мир, свою архитектуру и одновременно свою культурную форму. Эти два элемента обеспечивали культурную и историческую идентичность двора и его обитателей как целостного феномена самарской среды» [12, с. 208].

Время

С феноменологических позиций подлинное обитание – это выделение своего места не только в пространстве, но и во времени. Человек может по-настоящему обитать лишь осознавая свою смертность. Конечность жизни придаёт смысл человеческому присутствию в мире. По М. Хайдеггеру, время является основанием человеческого бытия, оно выступает условием возможности бытия человека в мире [13].

К. Линч, исследовавший город в человеческом восприятии, считает, что в основе удовлетворения от среды лежит обострённое чувство времени [14]. В.Л. Глазычев определяет временной ряд восприятия как важную составляющую «настоящего» города [1]. М.В. Дуцев отмечает, что насыщенный пространственно-временной контекст питает духовную жизнь человека,

делает его сопричастным всему историческому процессу. Такое ощущение «мировой целостности», согласно М.В. Дуцеву, «приобретает ценное качество духовного ориентира, оберегает и во многом определяет культуру социума» [15, 16].

Архитектура может служить обитанию, если сообщает о нашей смертности [3, с. 69]. «Естественный город», историческая среда своими архитектурно-пространственными свойствами организует коллективную память, тем самым влияет на ценностно-смысловую сферу социума.

Самарский двор очень ярко отражает необратимость изменения времени, его пространство воспринимается как «живое» образование, сформировавшееся в течение длительного периода. Архитектурная среда исторической части Самары представляет собой «временной коллаж» с культурными слоями различных исторических эпох. Здесь присутствуют деревянные и каменно-деревянные дома конца XIX – начала XX в., находящиеся, однако, на грани полного уничтожения; архитектура классицизма, эклектики, модерна начала XX в., конструктивизма и рационализма 1920–1940-х гг. и пр. [17–19]. Каждое направление стиля передаёт дух своего времени.

Историческое время (процесс развития государства и социума) запечатлено в типологии многоквартирного дома-двора. Самарский двор сформировался в процессе эволюции подворья, образованного в конце XIX столетия. Усадьба, изначально принадлежавшая одной семье, после революции 1917 г. в связи с отменой частной собственности трансформировалась в коммунальный дом. В самарском дворе стало проживать несколько семей и адаптировать его под свои нужды. Историческое время, таким образом, отражено в особенностях пространственно-планировочной структуры и объёма спонтанного развития [20].

Необратимость изменяющегося бытия отображается в материалах, покрытых следами времени, присутствующих в архитектуре самарского двора: состаренном дереве, ржавом металле, эрозии кирпича, стертых ступенях, запылённых и шершавых фасадах. Изменение времени отражено и в старых вещах, экспонируемых во дворе как в музее; предметах благоустройства, выполненных жителями, которые дают «второе рождение» ненужным вещам; сараях и гаражах, представляющих своего рода архивы.

Ритуал

Ритуал – феноменологическая категория, направленная на интерпретацию и упорядочивание отношений человека со средой [3, с. 6].

Через ритуал поддерживается особая связь между человеком и «духом места», большая чем субъект-объектные отношения. При такой связи человек обращается с местом как с равным, т. е. наделяет место субъектностью.

Ритуал учреждает единство общества, живущего по определенным нормам и правилам. Архитектурно-пространственные формы с позиций феноменологии являются материальным воплощением принципов человеческого обитания, социального порядка или ритуальных практик [3, с. 62]. Д. Рикверт указывает на зависимость архитектурных форм от социальных взаимодействий. Он считает, что источником архитектуры является ритуал [19, с. 123]. С. Костоф считает, что архитектура утверждает социальный порядок благодаря тому, что поддерживает воспроизводство ритуала [22, с. 10]. М. Невлютов интерпретирует архитектуру как ритуал утверждения социального и онтологического порядка – ритуал строительства указывает на место человека в мире и их взаимоотношения [3, с. 64].

Внимание феноменологов направлено не только на культовые и архитектурные постройки, но и на сооружения, построенные непрофессионалами – самими жителями. По мнению С. Костофа, «архитектура без архитектора» в неменьшей мере представляет собой ритуал примирения человека и мира. Архитектура конструирует как поведение особо значимых ритуалов, так и осуществление повседневных действий [22, с. 15–16].

Архитектура самарского двора производит и поддерживает социальные связи. Двор изолирован от улицы и представляет собой как бы интерьер под открытым небом. Его пространство одомашнено и несёт тепло человеческой личности. Объекты спонтанного развития двора формируют личную причастность к окружению, представляя собой отпечатки личности его обитателей. Через них даже посторонний наблюдатель ощущает тепло окружения и устанавливает символические связи с обитателями.

Внутренняя часть двора является пространством повседневного существования его обитателей, она совместно используется всеми жителями парцеллы. Такая структура способствует жизни в сообществе, создаёт общие права и обязанности в пределах каждого двора. Самарский двор – «малый мир», встроенный в публичное пространство города. Здесь рождается интимное чувство совместности, объединяющее людей, возникает чувство безопасности и уюта.

Жители и соседство – основа данной среды и её духа. Каждый двор – свой космос. Обитатели самарского двора не только не хотят покидать историческую среду, но заботятся о ней

и развивают её. Например житель Вячеслав Вершинин, обустроивая своё жизненное пространство, очень бережно относится к вещам и строениям, появившимся во дворе ещё до него. Он собирает и сберегает вещи, пытается проникнуть в их дух, подарить новую «достойную жизнь» [23]. Многие другие обитатели самарских дворов, как и В. Вершинин, вступают в диалог с местом, с его архитектурой, и она как бы сама подсказывает возможности для её развития. Они, например, не выкидывают старые двери, а делают из них забор и таким образом становятся как бы художниками. Некоторые обитатели создают в своём дворе своего рода музеи, экспозиции из старых вещей. Через такой художественный жест они вступают в диалог с миром.

Отношение к месту как к равному заложено в типологии многоквартирного дома-двора, возникшего после 1917 года, когда в домовладении стало проживать несколько семей. Среда без сноса мягко трансформировалась самими обитателями под новые жизненные требования. Дома, принадлежавшие ранее одной семье, делились на квартиры и комнаты. Для удобства пользования пристраивались дополнительные индивидуальные входы. Желание расширить площадь жилья приводило к появлению пристроев, надстроев, веранд и террас.

Через создание спонтанной архитектуры горожане не только улучшают жизненные условия, но и воплощают своё присутствие в этом мире. В архитектуре самарского двора, таким образом, отражены принципы обитания и социальные потребности. Основная из них – потребность идентификации с используемым пространством. По мнению Тони Сахс Пфайфер, «процесс самоидентификации с жилым пространством ведёт к появлению чувства ответственности за это пространство и за тех, с кем оно делится» [9, с. 78].

Материал

Материал является важной феноменологической категорией, так как благодаря ему архитектура становится частью окружающего мира, расположенной в пространстве и времени. За счёт своей материальности архитектура становится доступной для восприятия, способной вызывать у обитателей телесные переживания, связывающие человека и окружающий мир. С точки зрения феноменологии мир предстаёт перед нами именно в телесном переживании [3, с. 47].

Через материал в архитектуре проступает природа – предсуществующее состояние архитектуры, а через его постепенное разрушение – силы природы [24]. М. Хайдеггер в эссе «Исток

художественного творения» считает, что архитектура раскрывает сущность материала – его природные качества, которые ранее были не видимы [25]. Материал постройки содержит запись её строительства и эксплуатации, а значит – человеческой истории [3, с. 52]. М. Невлютов отмечает, что «архитектура сохраняет следы времени вообще и борьбы с силами мира, и эта война записана на ее поверхности» [3, с. 53].

Материалы, применяемые в архитектуре самарского двора, отражают необратимость изменяющегося бытия. Состаренное дерево, ржавый металл, кирпич со следами эрозии высвечивают природные силы – дождя и ветра. Стёртые ступени, запыленные и шершавые фасады – следы человеческого присутствия и обитания.

Вывод. Самарский двор представляет собой образец «естественного», «настоящего» города. С феноменологической точки зрения это пример места «подлинного» человеческого обитания. Его жители не просто существуют, а переживают и воплощают своё присутствие в этом мире. Самарский двор своими архитектурно-пространственными свойствами организовывает коллективную память, оберегает и определяет культуру социума; производит и поддерживает социальные связи; способствует реализации потребности жителей в самоидентификации с жилым пространством.

Исследование исторической части Самары в ранее не применявшемся аспекте феноменологического подхода способно существенно расширить научную картину ценностных представлений о её среде. В долгосрочной перспективе феноменологический метод способен повлиять на изменение научной парадигмы и практических подходов к сохранению наследия и регенерации городов. Исследование феноменологических свойств самарского двора может помочь также переносу качеств и свойств «настоящего города» на урбанизированные территории.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Глазычев В.Л. Поэтика городской среды // Эстетическая выразительность города. М.: Наука, 1986. 450 с.
2. Естественный город – опыт научно-проектных разработок / Е.А. Репина, С.А. Малахов, С.Г. Малышева, С.В. Лашенко, М.А. Захарченко, Д.Н. Романова, Л.Е. Лопатина // Innovative Project. Т. 1, № 2. С. 24–45.
3. Невлютов М.Р. Феноменологические концепции в теории архитектуры: специальность 05.23.20 «Теория и история архитектуры, реставрация и реконструкция историко-архитектурного наследия»: дис. ... кандидата архитектуры / Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры и градостроительства. М., 2021. 145 с.
4. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Книга первая. Общее введение в чистую феноменологию. М.: Академический Проект, 2009. 489 с.
5. Хайдеггер М. Строить, мыслить, обитать / пер. с нем. С. Ромашко // Проект International. 2010. № 20. С. 174–189.
6. Norberg-Schulz Ch. Phenomenon of Place // Architectural Association Quarterly. 1976. № 4. С. 3–10.
7. Кияненко К. О феномене, структуре и духе места у К.Норберг-Шульца // Архитектурный Вестник. 2008. № 3(102). Режим доступа: <http://archvestnik.ru/ru/magazine/av-3-102-2008/o-fenomeno-strukture-i-dukhe-mesta-u-knorberg-shultsa>.
8. Фролов А.В., Суходольская Н.П. К феноменологии городского пространства // Вестник МГСУ. 2010. № 4. С. 394–399.
9. Самарский двор / Й. Шимман, О. Вейерс, Рэнд Л. Арарипэ [и др.]. Екатеринбург: TATLIN, 2020. 448 с.
10. Малахов С.А. Бинарная формула «дом-город» как метазадание архитектурного объекта и матрица бинарных оппозиций композиционного метода // Градостроительство и архитектура. 2016. № 2(23). С. 69–74. DOI: 10.17673/Vestnik.2016.02.13.
11. Вавилонская Т.В. Архитектурно-историческая среда в условиях динамично развивающегося мегаполиса // Градостроительство и архитектура. 2017. Т.7, № 4. С. 93–98. DOI: 10.17673/Vestnik.2017.04.16.
12. Малахов С., Мишечкина А., Романова Д. Поэтика городского пространства Самары. Самара: СГА-СУ, 2013. 239 с.
13. Heidegger M. Being and Time. New York: Harper & Row Publ., 1962.
14. Линч К. Образ города: пер. с англ. В.Л. Глазычева. М.: Стройиздат, 1982. 328 с.
15. Дуцев М.В. Архитектурная концепция времени // Вопросы теории архитектуры: Архитектура в диалоге с человеком. М.: ЛЕНАНД, 2013. С. 409–422.
16. Дуцев М.В. Современный город. Живые реальности истории // Градостроительство и архитектура. 2021. Т.11, № 2. С. 139–154. DOI: 10.17673/Vestnik.2021.02.19.
17. Самогоров В.А., Сысоева В.А., Чёрная Ю.Д. Деревянная и каменно-деревянная архитектура Самары конца XIX – начала XX веков. Самара: ООО Книга, 2011. 400 с.
18. Каркаръян В. Модерн в архитектуре Самары. Самара: Агни, 2006. 335 с.
19. Синельник А.К., Самогоров А.В. Архитектура и градостроительство Самары 1920-х – начала 1940-х годов. Самара: ООО Книга, 2010. 480 с.
20. Самогоров В.А., Рыбачева О.С., Фадеев А.В. Особенности морфологии пространства и застройки исторических кварталов г. Самары // Научное обозрение. 2015. № 4. С. 191–198.

21. Rykwert J. Review: Siegfried Giedion and the Notion of Style // *The Burlington Magazine*. 1954. № 96.

22. Kostof S. *A History of Architecture: Settings and Rituals*. New York, Oxford: Oxford University Press, 1995. 792 p.

23. Репина Е., Малахов С. «Спонтанный порядок» как концепция архитектуры среды // Проект Россия. М., 2021 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://prorus.ru/interviews/spontannyj-order-kak-koncepciya-arhitektury-sredy-chast-1-chetverica-hajdeggera/>.

24. Невлютов М. Смерть архитектуры Георга Зиммеля // *Современная архитектура мира*. 2019. Вып. 13(2). С. 58–69.

25. Хайдеггер М. Исток художественного творения / пер. с нем. А.В. Михайлова. М.: Академический Проект, 2008. 526 с.

REFERENCES

1. Glazychev V.L. Urban poetics. *Esteticheskaya vyrazitel'nost' goroda* [Aesthetic expression of the city], Moscow, Nauka Publ., 1986.

2. Repina E.A., Malakhov S.A., Malysheva S.G., Lashchenko S.V., Zakharchenko M.A., Romanova D.N., Lopatina L.E. The Natural City - the experience of scientific and design developments. Innovative Project, 2016, vol. 1, no. 2, pp. 24–45. DOI: 10.17673/IP.2016.1.02.4 (in Russian)

3. Nevlyutov M.R. *Fenomenologicheskiye kontseptsii v teorii arkhitektury*. Kand. Diss. [Phenomenological concepts in architectural theory: specialty], Moscow, 2021, 145 p.

4. Gusserl' E. *Idei k chistoy fenomenologii i fenomenologicheskoy filosofii. Kniga pervaya. Obshcheye vvedeniye v chistuyu fenomenologiyu* [Ideas for Pure Phenomenology and Phenomenological Philosophy. Book One. A General Introduction to Pure Phenomenology], Moscow, Akademicheskij Proyekt Publ., 2009. 489 p.

5. Heidegger M. *Building Dwelling Thinking*, trans. A. Hofstadter. Poetry, Language, Thought, NY, Harper & Row, 1971, pp. 143-161.

6. Norberg-Schulz C. Phenomenon of Place. *Architectural Association Quarterly*, 1976, no. 4, pp. 3-10.

7. Kiyanenko K. On the phenomenon, structure and spirit of place by K. Norberg-Schulz. *Arkhitekturnyy Vestnik* [Architekturnyy Vestnik], 2008, no. 3 (102). (in Russian)

8. Frolov A.V., Sukhodol'skaya N.P. Toward a Phenomenology of Urban Space. *Vestnik MGSU* [Newsletter MGSU], no. 4, pp. 394–399. (in Russian)

9. Shimman Y., Veyyers O., Araripe Rend L., Repina E., Malakhov S., Gnilomedov A. *Samarskiy dvor* [The samarsky yard], Yekaterinburg, TATLIN Publ., 2020, 448 p.

10. Malakhov S.A. Binary formula “home-city” as metavaluation of architectural object and a binary oppositions matrix of compositional techniques. *Gradostroitel'stvo i arkhitektura* [Urban Construction and Architecture], 2016, vol. 6, no. 2(23), pp. 69–74. DOI: 10.17673/Vestnik.2016.02.13. (in Russian)

11. Vavilonskaya T.V. Architectural and historical environment under the conditions of a dynamically developing megapolis. *Gradostroitel'stvo i arkhitektura* [Urban Construction and Architecture], 2017, vol.7, no. 4, pp. 93–98. DOI: 10.17673/Vestnik.2017.04.16. (in Russian)

12. Malakhov S., Mishechkina A., Romanova D. *Poetika gorodskogo prostranstva Samary* [Poetics of Urban Space in Samara Samara], Samara, SGASU Publ., 2013. 239 p.

13. Heidegger M. *Being and Time*. New York, Harper & Row Publ., 1962.

14. Lynch K. *The Image of the City*, Cambridge, Massachusetts, The M.I.T. Press, 1960. 194 p.

15. Dutsev M.V. Architectural concept of time. *Voprosy teorii arkhitektury: Arkhitektura v dialoge s chelovekom red. I.A. Dobritsyna* [Questions of the theory of architecture: Architecture in Dialogue with Man], Moskva, LENAND Publ., 2013, pp. 409–422.

16. Dutsev M.V. A modern city. living realities of history. *Gradostroitel'stvo i arkhitektura* [Urban Construction and Architecture], 2021, vol.11, no. 2, pp. 139–154. DOI: 10.17673/Vestnik.2021.02.19. (in Russian)

17. Samogorov V.A., Sysoyeva V.A., Chërnaya YU.D. *Derevyannaya i kamenno-derevyannaya arkhitektura Samary kontsa XIX - nachala XX vekov* [Wooden and stone and wooden architecture of Samara in the late 19th and early 20th centuries], Samara, OOO Kniga Publ., 2011. 400 p.

18. Karkar'yan V. *Modern v arkhitekture Samary* [Modern in the architecture of Samara], Samara, Agni Publ., 2006. 335 p.

19. Sinel'nik A.K., Samogorov V.A. *Arkhitektura i gradostroitel'stvo Samary 1920-kh - nachala 1940-kh godov* [Architecture and urban planning in Samara in the 1920s and early 1940s], Samara, OOO Kniga, 2010. 480 p.

20. Samogorov V.A., Rybacheva O.S., Fadeyev A.V. Peculiarities of the morphology of space and development of historical districts of Samara. *Nauchnoye obozreniye* [Scientific review], 2015, no. 4, pp. 191–198. (in Russian)

21. Rykwert J. Review: Siegfried Giedion and the Notion of Style. *The Burlington Magazine*, 1954, no. 96.

22. Kostof S. *A History of Architecture: Settings and Rituals*. New York, Oxford, Oxford University Press, 1995, 792 p.

23. Repina, E., Malakhov S. “Spontaneous order” as a concept of environmental architecture. *Proyekt Rossiya* [Russia project], Moscow, 2021. Available at: <https://prorus.ru/interviews/spontannyj-order-kak-koncepciya-arhitektury-sredy-chast-1-chetverica-hajdeggera/>

24. Nevlyutov M. The Death of Architecture by Georg Simmel. *Sovremennaya arkhitektura mira* [Contemporary architecture of the world], 2019, i. 13 (2), pp. 58–69, DOI: 10.25995

25. Heidegger M. The origin of the work of art, trans. A. Hofstadter. Poetry, Language, Thought, NY, Harper & Row, 1971. 229 p.

Об авторах:

БАЗИНА Анна Николаевна

аспирант кафедры инновационного проектирования
Самарский государственный технический университет
Академия строительства и архитектуры
443100, Россия, г. Самара, ул. Молодогвардейская, 244
E-mail: msmelena@yandex.ru

BAZINA Anna N.

Postgraduate Student of the Innovative Design Chair
Samara State Technical University
Academy of Architecture and Civil Engineering
443100, Russia, Samara, Molodogvardeyskaya str., 244,
E-mail: msmelena@yandex.ru

РЕПИНА Евгения Александровна

кандидат архитектуры, профессор кафедры
инновационного проектирования
Самарский государственный технический университет
Академия строительства и архитектуры
443100, Россия, г. Самара, ул. Молодогвардейская, 244
E-mail: jeniarepina@mail.ru

REPINA Evgenia A.

PhD in Architecture, Professor of the Innovative
Design Chair
Samara State Technical University
Academy of Architecture and Civil Engineering
443100, Russia, Samara, Molodogvardeyskaya str., 244,
E-mail: jeniarepina@mail.ru

Для цитирования: Базина А.Н., Репина Е.А. Феноменологические качества архитектурно-пространственной среды самарского двора // Градостроительство и архитектура. 2022. Т.12, № 1. С. 83–89. DOI: 10.17673/Vestnik.2022.01.10.

For citation: Bazina A.N., Repina E.A. Phenomenological Qualities of the Architectural Spatial Environment of the Samara Yard. *Gradostroitel'stvo i arhitektura* [Urban Construction and Architecture], 2022. Vol. 12, no. 1. Pp. 83–89. (in Russian) DOI: 10.17673/Vestnik.2022.01.10.